

Литература

Набоков В. В. Стихотворения и поэмы. М., 1991.

Набоков В. В. Собр. соч. амер. периода в 5 т. СПб., 1999. Т. 2.

Подкорытова Т. И.
Омск, Россия

МЕТАФОРИКА «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В КОНТЕКСТЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ МИФА И ЛОГОСА

Поэтический стиль «Слова о полку Игореве» рождается на пересечении полярных языковых систем, обусловленных кардинально разными онтологическими и аксиологическими установками. С одной стороны, еще живая устная стихия языческой мифологии, с другой – письменное слово христианской идеологии. Миф космологичен, его язык является образным описанием тотально одушевленного мироздания, частью которого мыслится и человек. Ценностные же приоритеты христианства переведены из сферы природного универсума в область собственно человеческого бытия, т. е. в историю, трактуемую телеологически как путь к духовному спасению. Высшим авторитетом наделяется разум, мысль, возносящая к «богу невидимому»: «тело бо воин ест, а ум кнез и цесарь» [Адрианова-Перетц 1971: 29–33]. Новая аксиология стимулирует радикальное обновление языка: в противовес образному арсеналу космологических универсалий мифа в христианской литературе утверждается дидактическая аллегорика, рациональная в своей основе (образ как декорация отвлеченной идеи) и понятийный язык повествовательных жанров. В процессе смены ценностей и рационализации языка поэзия играет особую роль. Приведем в связи с этим два показательных примера из «Слова»:

1. *«А половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому, крычатъ телгы полунощи, рци, лебеди роспущени»* [ПЛДР 1980: 374]. Глагол «рци» (скажи) использован в качестве наглядного разделителя двух языков – мифа и метафоры. Фраза выглядит обращением к поэту-предшественнику (Бояну), говорящему на языке орнитоморфной

мифопоэтики: ты «скажи» – «лебеди распущени», автор же «Слова» из этого тотемистического образа половцев-куманов («лебедей») извлекает и дистанцирует его прямой смысл (телеги половецкие, хаотически движущиеся по степи). Но нельзя не заметить, что способствуя рационализации языка, поэтическая метафора одновременно тормозит этот процесс: освобождая смысл-логос, не расстается с образом. Половецкие «телеги» – уже не «лебеди», однако «крычатъ», след мифа остался в метафоре. Это характерный для стиля «Слова» пример обнажения приема: наглядно показан источник и сам механизм рождения метафоры.

2. *«На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ живот кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла»* [ПЛДР 1980: 382]. Здесь использован тот же прием, но в более усложненном, развернутом варианте. Открывает фразу антропоморфный образ страдающих хлебных колосьев («*снопы стелютъ головами*»), отсылающий к земледельческим мифам из разряда «*vita herbae*», как назвал их Н. И. Толстой [1994: 139–169]. Далее автор плавно производит перевод «жатвы» в реальную битву, претворяя страдальческую судьбу растений в «житие» человека. В соответствии с этим мифологическая формула сменяется серией метафор. В первой из них еще заметен формальный перевес мифологической «жатвы»: «*молотятъ чепи харалужными*», но благодаря эпитету этот образ перекликается со сходным выражением «*гремлеши мечи харалужными*» и читается как иносказание этих мечей. Следующее звено метафорической цепи «*на тоцѣ животъ кладутъ*» уравнивает в себе элементы мифа («на току») и исторической реальности (идиома «голову, живот класть» в ранних древнерусских памятниках употреблялась в значении «погибать в бою»). Заключительная метафора «*вѣютъ душу отъ тѣла*» уже окончательно выводит содержание из растительного мифа в сферу человеческого бытия. Но и здесь миф также остается составной частью метафоры, отдавая ей семантику «жатвы-страдания», перенесенную на судьбу «русскихъ сыновъ».

Поэтическая метафора снимает взаимное отрицание двух языков – мифа, оперирующего буквальным словом-образом, и письменного нарратива, предпочитающего отвлеченное слово-логос. Структура метафоры базируется на принципе аналогии между внутренней и внешней реальностью (духовного микрокосма и природного макрокосма). Ме-

тафора, в отличие от аллегии, не различает эти сферы, не упраздняет ценностную самодостаточность природного бытия, а устанавливает возможность диалога разных аксиологических систем.

Живая память о мифологическом наследии, свободное им владение, установление смысловой связи между мифом и понятийным языком нарратива, раскрытие самого механизма метафорического синтеза – такая стилевая специфика текста соответствует стадии генезиса авторской поэзии [См.: Фрейденберг 1998: 232–261], то есть свидетельствует о раннем происхождении памятника.

Литература

Адрианова-Перетц В. П. Из истории русской метафорической стилистики // Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти акад. В. В. Виноградова. Л., 1971. С. 28–35.

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 372–387.

Толстой Н. И. *Vita herbae et vita rei* // Славянский и балканский фольклор. М., 1994. С. 139–169.

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп. М., 1998. (Глава «Метафора»).

Пращерук Н. В.
Екатеринбург, Россия

ДУХОВНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РУССКОЙ КЛАССИКИ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ Е. Р. ДОМБРОВСКОЙ)

Метафора *духовное измерение* в нашем понимании обрела, как это бывает нередко в гуманитарных исследованиях, вполне определенное понятийное и методологическое содержание: речь идет не просто о религиозной проблематике, христианских / евангельских аллюзиях и реминисценциях в тех или иных произведениях русской литературы, не просто о близости какого-то художника христианской системе ценностей или же, напротив, о невосприимчивости таковой. Имеется в виду прочтение классиков, базирующееся – системно и последова-